

УДК 340(575.2)(04)

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ч.К. Ботоева – канд. юр. наук, доцент

Вопрос о пределах правового регулирования стал актуальным в теории государства и права. Известные ученые спорят по поводу правовой границы государственной власти и напоминают, что в соответствии с теорией договорного происхождения государства, не все права были переданы государству народом.

Ключевые слова: правовое государство; государственная власть; правовое регулирование.

Идея утверждения права в общественной жизни имеет глубокие исторические корни. Однако ее теоретически более развернутое оформление произошло гораздо позже, в период борьбы буржуазии с феодально-абсолютистским произволом, в условиях кризиса феодализма и установления буржуазного строя. Именно тогда сторонники концепции правового государства (Ш.Л. Монтескье, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, А.Н. Радищев и др.) в качестве средства, организующего власть, называют право и выступают за введение государственного властвования в правовые границы. На последующее развитие концепции правового государства огромное действие оказало учение И. Канта. Благодаря его трудам идеи правового государства обрели терминологическую определенность и получили широкое распространение. В России данная концепция развивалась в трудах ученых-юристов Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, Б.А. Кистяковского и др. Так, например, Н.М. Коркунов обосновывал необходимость вмешательства государства в жизнь общества в тех случаях, когда сами граждане не могут достичь благосостояния собственными усилиями. Он отмечал, что границы желательного государственного вмешательства могут изменяться в разные эпохи и при разных условиях¹.

На предел государственной власти, как на одну из актуальных проблем, обращает внимание А.М. Витченко, который пишет: “Надо ставить более общую проблему допустимых возможностей в государственной деятельности, учитывая при этом, что содержание, направление и форма осуществления функций обуславливаются в ко-

нечном счете закономерностью, определяющей границы государственной деятельности”².

Идею необходимого ограничения сферы государственного управления разумными границами аргументирует и М.И. Пискотин, с указанием, во-первых, на то, что возможности государственного управления не беспредельны, а чрезмерная перегрузка государства большим числом задач и функций ведет к снижению их выполнения и, во-вторых, неоправданное повышение “меры управляемости” в той или иной степени идет за счет соответствующего ограничения самостоятельности и самостоятельности людей и их объединений³.

Позднее появляются работы таких ученых, как С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, В.М. Чхиквадзе, Е.А. Лукашева и других, которые рассматривали вопросы правовых рамок вмешательства государства в личную жизнь, недопустимости ограничения основных прав и свобод человека.

Рассматривая вопрос об ограничении государственной власти правом, В.В. Лазарев отмечает, что “истоки теоретической постановки вопроса о пределах государственной деятельности следует искать в естественно-правовом воззрении. Согласно договорной теории происхождения государства последнему переданы обществом не все права, а только часть их. Многие права граждане не возложили на государство, а оставили за собой. Поэтому сфера деятельности государства ограничена определенными рамками, выход за которые дает народу право отстранить правителей.

Индивидуалистическое общество по природе своей ограничивает вмешательство госу-

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Киев, 1988. – С. 37.

² Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. – Саратов, 1982. – С. 10.

³ Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. – М., 1984. – С. 233–238.

дарства в жизнь граждан. Коллективистское же, напротив, предполагает большой простор для государственной деятельности. В зависимости от того, чьи интересы – человека (гражданина) или общественные – стоят на первом месте, расширяются или сужаются границы деятельности государства¹. Таким образом, идея правового государства стала одной из форм своеобразного компромисса различных идеологий, той “золотой серединой” (мерой), к которой предлагали стремиться еще древние мудрецы².

Однако возможности государства ограничены не только правовыми рамками. Проблема пределов государственной деятельности значительно шире. Более комплексно данную проблему рассмотрел В.С. Афанасьев, который выделяет две границы государственного вмешательства в жизнь общества – верхнюю (границу возможного) и нижнюю (границу необходимого или целесообразного)³. В жизни эти границы нередко нарушаются: государство пытается влиять на то, что находится за пределами его возможностей или вмешивается в вопросы, которые могут быть успешно решены без его участия. Но и в том, и в другом случаях такое вмешательство оказывается либо бесполезным, либо вредным, тормозящим общественный прогресс.

Пределы вмешательства государства в общественные отношения (т.е. верхняя граница) определяются следующими обстоятельствами.

Прежде всего, это законы природы: никакое воздействие государства, в том числе правовое, не способно их преодолеть, хотя такие попытки наблюдались. Можно, в частности, вспомнить судебные процессы над противниками геоцентрической системы мира, преследование сторонников “формальной генетики” и др. Конечно, в большинстве случаев все это было результатом недостаточного знания людьми законов природы. Это свидетельствует о том, что такие вопросы должны решаться наукой, а не государством, а его деятельность – иметь научные основы.

Границы возможного связаны с существованием объективных законов общественного, в том числе экономического развития⁴. Государственная власть нередко пытается преодолеть и

эти законы. Так, если в советское время попытки государства в кратчайшие сроки построить развитой социализм и даже коммунизм привели к застою в экономике, то в настоящее время старания государства сформировать у нас “западное общество” привели к глубокому экономическому кризису. Не увенчались успехом игнорирование естественных потребностей и стремлений людей или попытки искусственного регулирования цен без учета действия реальных экономических законов. Видимо, такие попытки чаще всего объясняются недостаточным знанием закономерностей общественного развития.

Невозможность государственного вмешательства определяется уровнем духовной, и, прежде всего политической, правовой и нравственной культуры населения. Именно от уровня культуры зависит восприятие обществом принятых государством законов или иных решений: будут ли люди солидарны с ними, или эти решения будут отторгнуты общественным сознанием. Если государство пренебрегает этими обстоятельствами, то принимаемые законы, как правило, остаются на бумаге, не реализуются, или их действие достигается путем насилия, что делает их неэффективными.

Государство не может своими решениями сформировать духовную культуру людей, она может повышаться лишь в результате постоянной и кропотливой работы. Поэтому государство должно осуществлять свою деятельность с учетом “культурного поля” своей страны, ее традиций, обычаев, даже если последние требуют корректировки, а то и постепенного отказа от них. Ни свободное общество, ни правовое государство в нынешних условиях не могут существовать, игнорируя принципы справедливости и общечеловеческой морали. К тому же необходимо учитывать состояние общественной психологии нашего населения, которая формировалась десятилетиями, ориентируясь на определенные принципы.

Вторая, нижняя граница государственно-властного вмешательства, определяется возможностями саморегуляции определенных общественных отношений. Большинство таких отношений регулируется без вмешательства государства, различными социальными нормами: морали, обычаев и др. Если такое регулирование обеспечивает порядок в обществе, не наносит вред интересам граждан, их объединений или государства, то, как правило, государственно-властное вмешательство приносит только вред. Здесь, как в медицине, должен действовать

¹ Лазарев В.В. Теория государства и права. – М., 1992. – С. 87.

² Политология / Ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1999. – С. 351.

³ Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. – М., 1993. – С. 22–23.

⁴ Там же. – С. 23.

принцип “не навреди”¹. Действительно, например, очень деликатной проблемой является обеспечение прав личности в частной жизни, многие стороны которой с трудом поддаются внешней регламентации. Уважение к частной жизни и есть один из аспектов личной свободы. Как отмечает С.В. Боботов: “Человеку нельзя навязывать определенный образ жизни или запрещать какой-либо жизненный ритуал во имя заранее предустановленной нравственной концепции, которая к тому же отнюдь не всеми разделяется”².

И, наконец, на долю государства приходится регулирование вопросов, связанных с обеспечением реальной свободы личности, устранением любых препятствий, которые могут исходить от других лиц и органов государства.

В современном мире существуют самые различные правовые идеи, теории, доктрины, посвященные проблеме прав и свобод человека, его взаимоотношений с государством. Но многообразие подходов к правам человека и праву не умаляет возможности и необходимости выработки и признания определенного минимума общечеловеческих, общедемократических требований к правовому и социальному положению человеческой личности. Его реализация должна быть обеспечена всегда и везде, вне зависимости от социально-политических, экономических, культурных и иных особенностей конкретной страны. Этот минимум в качестве основных прав и свобод человека должен и может быть начальной точкой отчета суммарного возрастания добровольно признанных всем мировым обществом непререкаемых ценностей³. Поэтому, государственная власть должна быть ограничена определенными пределами во имя свободы и прав человека и гражданина. В ходе исторического развития общества объем и содержание этих прав меняется, но на каждом этапе такого развития существует определенный, объективно обусловленный их уровень, который и должен быть обеспечен государством. При этом терпят неудачу попытки искусственно расширить эти права: общество просто не способно их обеспечить, поскольку это превышает реальные возможности экономики.

По мнению П.М. Рабиновича, в любом обществе свобода каждого отдельного челове-

ка зависит, во-первых, от уровня свободы, достигнутого обществом в целом (по отношению к природе и к самому себе), а во-вторых, от его индивидуального, личного участия в общественной свободе, мерой которого является сравнение со степенью свободы другого человека. Следовательно, вопрос сводится к тому, как распределяются возможности (свобода) всего общества между отдельными его индивидами⁴.

В ряде работ данная проблема включена в верхнюю границу государственного вмешательства, т.е. в границу возможного⁵. Однако представляется более правильным выделение данной проблемы в отдельную группу. Ведь на протяжении всей истории человечества, даже при самом демократическом режиме, государство нарушало и нарушает права человека и при этом не получает существенного отпора. Но стоит государству нарушить любую другую границу вмешательства в жизнь общества, как оно сразу же получает ответную негативную реакцию. Поэтому граница прав и свобод личности с учетом неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина, а также соответствующих международно-правовых стандартов, не может входить ни в границу возможного, ни тем более, в границу необходимого государственного вмешательства, а является особой сферой отношений, которые необходимо выделить в особую группу, и по мере возможности обеспечить их реализацию.

Представляется необходимым также выделить границу государственного вмешательства посредством правового регулирования, которая обусловлена, помимо вышеуказанных обстоятельств, особенностями и целями данного метода государственного руководства обществом. Эта проблема, как уже отмечалось, широко рассматривалась в юридической литературе. Так, например, С.С. Алексеев, рассматривая вопросы правового регулирования, пишет, что: “Право регулирует лишь такие отношения, которые объективно поддаются юридической регламентации. Любовь, дружба, внутрисемейные отношения, использование досуга, мода и т.п. не входят в предмет правового регулирования. Эти

¹ Афанасьев В.С. Указ. раб. – С. 25.

² Теория права и государства / Ред. Г.Н. Манова. – М., 1995. – С. 260–261.

³ Теория государства и права / Ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – С. 195.

⁴ Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985. – С. 101.

⁵ См., например: Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. – М., 1993; Теория права и государства / Ред. В.В. Лазарева. – М., 1996.

отношения регулируются другими социальными нормами (моралью, традициями)¹.

Действительно, большая часть отношений возникающих в реальной жизни между людьми, не охвачена правовым регулированием. Порой их значимость для общества возрастает, из частных они становятся общими, существенными, оказывающими значительное воздействие на взаимоотношения людей. Для решения этой проблемы на практике используют два способа. Первый – это попытка все регламентировать посредством “дополнения” законов многочисленными инструкциями. Однако чрезмерное (до десятков и сотен тысяч) количество инструкций нередко приводит к противоположному результату: к незнанию правовых предписаний, пренебрежению к закону, кроме того, проблема усложняется еще и тем, что подзаконными актами пытаются восполнить пробелы в праве. Более предпочтительным представляется второй путь: наделение некоторых субъектов, реализующих законы (обычно судов), правотворческими полномочиями, как это происходит в Англии, США и некоторых других странах, причем в последнее время и в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Однако следует отметить, что для такого решения необходим исключительно высокий уровень правовой и нравственной культу-

ры как субъектов, наделенных правом дополнять законы, т.е. судей, так и населения.

Надо иметь в виду, что нарушение государством границ, пределов правового регулирования, пусть даже из самых благих побуждений, приводит, в конечном счете, к нарушению эквивалентного характера отношений, равенству их участников и не может быть оправдано.

Как показывает практика, при всей демократичности правовых норм, создающих гарантии свобод и интересов человека, их эффективность порой еще незначительна. И как справедливо отмечает Н.И. Матузов: “особую злободневность приобретает сегодня вопрос об ответственности политических лидеров, государственных деятелей, особенно тех, кто волей судьбы оказывается у кормила власти, рычагов управления. Своими непродуманными, ошибочными или волюнтаристскими действиями и решениями они могут причинить (и причиняют) огромный и непоправимый вред обществу, государству, гражданам. Но, как правило, никакой ответственности за это не несут – ни моральной, ни политической, ни тем более юридической”². Поэтому представляется наиболее актуальной позиция В.М. Гессена, который писал: “...Все, что не запрещено индивиду, ему позволено; и наоборот, все, что не дозволено власти, ей запрещено”³.

¹ Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. – М., 1993; Теория права и государства / Ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – С. 5–6.

² Политология /Ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1999. – С. 326–327.

³ Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград, 1918. – С. 58.